

снесут, но капитально отремонтируют» до 1985 года (при строительстве же наших домов их жизнеспособность планировалась на 20 лет, а они уже стояли 25 без капитального ремонта). Наконец, сказали, что отремонтируют до 1990 года. Действительно, в плане ремонта наши дома числились. Более того, они даже числились в ряду отремонтированных после визита одного пьяного маляра, который испачкал подъезды неопишущего цвета краской, заляпал все двери и все то, что хоть на что-то было похоже. Они считались отремонтированными, хотя по домам поползли трещины, которые замазывали наспех, чтобы не рухнуло все здание.

Для работников ЦК, Генштаба и высокопоставленных чиновников Академии наук дома рядом с нами все-таки построили. В народе этот район называют Царским селом.

Квартирная проблема, пожалуй, одна из острейших в Советском Союзе. Я побывал во многих городах СССР и нигде не встречал, чтобы эта проблема была решена. В 1986 г., находясь в г. Устинове (бывший Ижевск), услышал, что сейчас получают квартиры только те, кто встал на очередь в 1967 году!

В 1989 г. мне предложили пост директора одного из институтов во Владивостоке. Поначалу меня поместили в Академическую гостиницу, думал на день-два, затем – на месяц-другой. Оказалось больше. Приехала жена. Ужаснулась. Валя, естественно, не ожидала таких хором и сильно закручинилась. Как она говорит, превратилась вместо группы поддержки в группу захвата. Тараканов тьма. Из-за них я эту гостиницу назвал «Золотой таракан» (это по улице Кирова 64). Слышал, что название прижилось. Но еще хуже – мошкá, которая черным слоем покрывает ванну. Вся сантехника в этой гостинице (думаю, не только в этой) прогнила настолько, что вывести все это своими средствами мы не смогли. Здесь мы жили довольно долго, пока Валя не сказала – не могу. «Столовой нет, буфета нет, готовить в комнате нельзя – запрещено, магазины на горе, куда нужно не на машине ехать, а взбираться и спускаться по обледеневшим лестницам, откуда уже не раз катилась вниз. С тараканами бороться устала. То света нет, то воды. Не могу».

Через некоторое время мой заместитель по хозяйственной части нашел нам однокомнатную квартиру, но на короткий срок. Дом новый и довольно чистый, не успевший отараканиться. Очень хорошее жилье. Но дом стоял на самой высокой сопке в городе. Машина на нее в непогоду въехать не могла. Я сам скатывался к ней. Валя же, купив продукты, не могла взбираться по обледеневшей горе (здесь не было и лестниц) и катилась со своими покупками к исходной точке, а затем опять начинала восхождение.

Срок нашего проживания в этом доме подходил к концу, и мы переселились в гостиницу «Приморье» в нормальные условия для жизни.

Мне все время обещали квартиру, которую я, наконец, и получил в апреле 1991 г. Это был практически последний дом в жилой черте города. Дальше — зеленая зона. Замечательная зона в погожий день! А в дождливый? От остановки троллейбусов — минут в двадцати. Здесь я опять много раз вспоминал слова Жванецкого: «Дощ-щ - стихийное бедствие». Опять стало сложно добираться до Института. Тем не менее - своя квартира.

Это была последняя квартира перед отъездом из России. Мы уехали в Канаду по воссоединению семьи, поскольку наш сын женился на канадке. Дальнейшие наши передвижения уже зависели совершенно от других причин. Коротко: Нагоя-Ванкувер-Москва-Оксфорд-Париж-Нью-Йорк (Манхэттен). Последняя квартира — 34-я по счету со момента нашей свадьбы.

Я столь подробно описываю эти квартирные эпопеи, чтобы подчеркнуть одну вещь: я убежден, что такое количество переездов не выдержала бы ни одна жена, кроме Валентины. Уже одно это делает ее уникальной.

Шитье-мытье

В любых нормальных семьях всегда не хватает денег. Мы не были исключением: денег хронически не хватало, особенно в годы, когда я учился в аспирантуре (90 р. в месяц). И случайные подработки Вали. Постепенно ситуация стала улучшаться, и к моменту отъезда из России наша семья, наверное, составляла среднестатистическую благополучную семью по тогдашним социалистическим меркам. Но бедственное материальное положение в начальный период имело очень важную положительную сторону. Валя научилась шить, что, в общем-то, не удивительно почти для любой нормальной русской женщины. Удивительно то, что она шила абсолютно все. Начинала с галстуков. В те времена у меня явно был извращенный вкус, и я просил ее сшить мне очень яркие галстуки, чтобы доминировали голубые, желтые и красные цвета. Ее врожденный вкус протестовал, но она всё-таки позволяла мне быть собой. Как петух я ходил в них в Институт, вызывая естественный смех у девиц и порицание у серьезных ученых. Затем Валя наловчилась шить рубашки, брюки, костюмы, кожаные вещи, наконец, дубленки, модные в те годы. Другими словами, вся моя одежда была сшита Валией, причем шила она на удивление очень быстро. Например, рубашку — за два часа. Она говорит, что сначала всё представляет в голове, а уж исполнение не требует большого времени. Естественно она шила все детям и себе. Про платья и прочую чепуху даже и не говорю. Пиком ее мастерства считается пошив туфель и кожаных сапог, включая все необходимые операции по выделке кожи (вымачивание,

вытягивание, высушивание и т.д.). Специальную кожу для этого мы купили в ГДР, побывав там в туристической поездке (почему-то там она была очень дешевая).

С не меньшим мастерством она могла делать макромэ и вязать, причем не только банальные свитера, но и платья. Я не подсчитывал экономическую сторону ее мастерства, но важно то, что у нас никогда не было проблем с одеждой. И самое главное: она никогда не требовала от меня что-то там купить из одежды. Если что надо, сама и сошьет. Хочу отметить, что это происходило как бы само собой, ведь Валя – пианистка, и хорошая пианистка; работала в Гнесинском институте. И двое наших детей всегда были с нами. Никаких

нянь и в помине не было. Как она всё это умудрялась делать, для меня и сейчас загадка. Труд дома – это как бы и не труд для нее. Поет и делает. В любом случае я не встречал и не слышал о таких женщинах, которые могут все. А она может.

В России в принципе пищу готовят все женщины (хотя на Западе это редкость). Ну, и Валя – «как все». Ее врожденный творческий талант отразился и здесь: от японских суши и китайской кухни различных направлений – до обычной русской картошечки. Но еще большее удивление у знакомых вызывало ее умение приготовить специальный торт «Павлова». Он напоминает «Птичье молоко», только повоздушнее, а самое главное – без жира. И в этом его секрет. В Ванкувере такой торт делала и делает одна гонконгская семья. Секрет за семью печатями. Валя билась над ним месяца два, переведя массу продуктов, пока, наконец, не разгадала этот секрет. И теперь на каждой вечеринке она радуется своих гостей тортом «Павлова», кстати, названного так в честь русской балерины А. Павловой.

Между прочим, о гостях. У нас всегда было много гостей. Даже тогда, когда мы жили в маленькой квартире в Новых Черемушках. Каким-то чудом в «зале» (метров 18) вмещалось до 20 человек. Но здесь интересно другое: Валя одна умудрялась приготовить все за полдня. В мои функции входила доставка продуктов из магазинов и раскладка деревянного стола. Все. В самом приготовлении пищи я никогда не участвовал, поскольку мое кулинарное мастерство ограничивается яичницей с поджаренной картошкой. Об этом я упоминаю только потому, что неоднократно слышал от других женщин о том, как много времени у них занимает подготовка к встрече гостей.

Сейчас в основном норовят встречаться в ресторанах; на Западе это вообще норма. Я в принципе против ресторанов как классово чуждых мне заведений, в которых в обнаженной форме воспроизводятся отношения раба—господина. Но

главное заключается в обратной стороне ресторанной практики: это исчезновение одной из важнейших функций женщин – кормить семью. Такая практика начинает деформировать «понятие» жены, превращая ее просто в женщину, которая на следующем этапе трансформируется в мужчину (сначала по функциям, а затем и по сути). Результат – конец человечеству. Естественно, я утрирую, но тенденция именно такова.

Воспитание детей по-японски

Как известно, ныне в России рождаемость падает, и одной из причин, по объяснению самих молодых, является невозможность обеспечить детей, начиная с ясельного возраста. Действительно, только издевательствами можно назвать так называемые дотации на детей, предлагаемые нынешней системой молодым родителям. Но только ли в этом причина? На Западе молодым семьям предоставляются весьма существенные пособия на детей, а в скандинавских странах обеспечение семей с детьми вообще более чем достаточное, но рождаемость тем не менее падает. В бедных же странах, где вообще не дают никаких пособий, рождаемость высока. В чем дело?

Дело в том, что в бедных странах население, точнее, женщины просто следуют своей природе, не обременяя себя размышлениями, зачем нужны дети, сколько их должно быть и как их количество скажется на благополучии пары. Все определяет природа. Может быть, природа и глупа, но благодаря этой глупости сохраняется более или менее необходимый прирост человечества.

На Западе сокращение рождаемости вызвано метаморфозами мышления людей. Западный капитализм базируется на индивидуализме и ориентируется на индивидуальность: жить для себя, в свое удовольствие – это принцип, которого они не стыдятся. С детьми такую установку реализовать сложнее: они требуют внимания, денег. Лучше без них, чтобы был сплошной «фан». Опять же говорю о тенденции, особенно ярко выраженной в Западной Европе.

В нынешнем российском капиталистическом обществе «фан» с детьми получить еще сложнее. Ориентация на себя, жизнь для себя постепенно становится нормой, но в еще более утрированной форме, чем на Западе.

Когда «мы» рожали детей, мы не думали о трудностях, не задумывались, как это скажется на нашем благополучии. Возможно, тогдашнее социалистическое мышление (государство всегда выручит) определяло высокую рождаемость в стране. Действительно, это было именно так: мы платили копейки за детские ясли и сады. Нам не надо было платить за школу, за университет (где учился сын), за

балетное училище (где училась дочь). Не отнимала у нас денег и медицина. То есть с материальной точки зрения проблем не было.

Не было проблем и с воспитанием. Я никогда не понимал фразы: как трудно воспитывать детей. Или другая фраза: как трудно вырастить детей. Воспитывает жизнь, выращивает – природа. Какие проблемы?

Проблемой являются сами родители. Я как-то прочитал, что если бы мамы правильно кормили своих детей лет до трех, то продолжительность жизни людей увеличилась бы как минимум лет на 10-15. Своей неграмотностью они сокращают жизнь человечества. Это касается мамаш всех стран, даже очень развитых. В России, помимо искусственного кормления, вызывает удивление привычка родителей укачивать детей, как будто бы они задались целью вытрясти из них мозги. Думаю, это одна из причин большого количества ненормальных детей в стране. Дети с младенчества имеют «кайф» от тряски в колясках.

Еще одна проблема — различные подходы родителей к воспитанию детей и отсюда жесточайшая война между супругами: кто из них прав и как надо воспитывать. В России, между прочим, эти проблемы менее ожесточенны, поскольку воспитание как бы отдается в руки матери и папаши не особенно склонны в это дело влезать, а матери и не очень настаивают. На Западе – это настоящая война, т.к. обе стороны отстаивают свои права на воспитание.

Мы с Валею тоже придерживались совершенно противоположных подходов в деле воспитания, но не доходили до конфликтов большого накала (как на Западе). Вполне понятно, что на воспитании детей сказывается прошлое самих родителей, точнее, то, как воспитывали их самих. В Валиной семье детям помогали и опекали во всем. У меня был другой опыт – опора на собственные силы: сам везде устраивался, сам выбирал место учебы (вопреки желанию родителей).

Кроме того, на мой подход в воспитании детей оказала влияние система воспитания детей в Японии, которую я изучал. Ведь я получил университетское образование как японовед. Там доминантой является самостоятельность, правда, под невидимым жестким надзором родителей, особенно матери.

В соответствии с японской системой я запрещал Вале вставать по ночам к грудным детям и вообще реагировать на их плач. Тем самым у ребенка не формируется условный рефлекс: плачем привлекать внимание взрослых. Валя, однако, реагировала, хотя ей приходилось делать это не так часто, поскольку детей, уже в чуть более старшем возрасте, где-то лет с двух, я приучил не плакать: чтобы «не потерять лица» (как в Японии). Сурово я к ним относился и в плане закалки, даже зимой запрещая одевать всяческие шубки, требуя, чтобы носили они только курточки. Если холодно, надо просто присесть раз сто, и станет тепло. Валя, хотя и со скрипом, усматривала в такой суровости рациональные зерна. Как бы то ни было, дети у нас простудными заболеваниями болели крайне редко.

В те времена у меня почему-то была мания привить детям самостоятельность. Сам процесс вызывал негодование и ужас у всех моих знакомых и воспитателей детсадов. Когда я снимал квартиру на ул. Шверника (сыну было два с половиной года), я приучил его одного ездить в детский сад-ясли на метро. Я его подвозил к метро «Академическая», впахивал в вагон, просил пассажиров вытолкнуть сына у станции «Новые Черемушки». А там он сам дочапывал до детсада (это минуты в пяти от метро). Валя об этом ничего не знала (в это время с дочкой находилась в Астрахани). Да я и сам сейчас не могу представить, что такое было возможно в действительности, если бы не фиксация в дневнике.

А вот другой финт, который я вытворял с детьми. Зимой в детский сад обычно родители возят детей на санках. У меня было наоборот. Я садился в санки, а сын и дочь везли меня в детский сад. Наблюдавшие эту сцену родители и прохожие кричали вслед, что я изверг. Мне же казалось, что, во-первых, я тренирую их физически, во-вторых, реализую старую поговорку: любишь кататься, люби и саночки возить.

В результате моих экспериментов сын лет в шесть мог один ездить по Москве по знакомым маршрутам. В таком же ключе воспитывалась и дочка, на которой висела "уборка" квартиры. Естественно, мои крайности нейтрализовывались Валиной любовью и всяческими поблажками. Я обычно все им усложнял, она – облегчала. Это естественное поведение матери, и спорить по этому поводу бессмысленно.

Еще раз хочу обратить внимание на образованность матерей. От этого зависит качество детей. Из науки известно, что характер и судьба детей наполовину определяются генами, наполовину воспитанием. Последнее, в свою очередь, зависит от образованности самих родителей. Исключения случаются, но я говорю о тенденции: чем выше образовательный уровень родителей, тем выше совокупный потенциал детей, который состоит из двух блоков: здоровья и интеллекта. И хотя за оба блока

ответственность несут оба родителя, однако за интеллект отвечает преимущественно отец, за здоровье – мать.

В очень раннем возрасте я с большой охотой читал детям сказки и обучал их чтению и письму. Сын мог читать уже в два с половиной года, а писать — к четырем годам. У дочери эти навыки хотя и запоздали, но перед школой она также могла и читать, и писать. Мои знакомые воспринимали мои эксперименты над детьми как издевательство, особенно если учесть, что одно из первых стихотворений моего сына было «Я волком бы выгрыз бюрократизм» - «Стихи о советском паспорте» Маяковского, а на «бис для гостей» коронными фразами и словами были «ренегат и сикофант Каутский», «Маяковский – лучший поэт всех времен и народов», «экзистенциализм», которые наши дети произносили бойко, с какой-то удивительной детской легкостью. Звучало все это жутко смешно. Конечно, Валя занималась их образованием значительно большее количество времени, особенно в школьный период. Как бы то ни было, сын закончил школу в 15 лет с серебряной медалью и в те же 15 лет поступил в Институт стран Азии и Африки, а дочь поступила в балетное училище. У них никогда не было проблем с освоением учебных программ в школе. Что касается сына, то наверняка постоянное печатание моих статей и даже докторской диссертации помогало ему развиваться.

На здоровье же детей, полагаю, помимо закалки, сказались и Валины знания в медицине. Она изучила немало книг по детским болезням и, думаю, по своим знаниям превосходила любого детского врача. В последних мы практически и не нуждались.

И тем не менее все сказанное не означает, что мы специально занимались воспитанием, или выводили детей «в люди». В люди они выходили сами в том смысле, что ни я, ни Валя никогда их никуда не «устроивали». Они поступали сами и учились сами. Никому не давали взяток, ни с кем не договаривались. Я исходил из того, что, во-первых, меня самого никто никуда не устраивал (закончил я Восточный факультет ЛГУ), а во-вторых, система трудоустройства претила мне по моральным соображениям. И Валя, приехав одна в Ленинград из провинциальнейшего города Астрахани, поступила в Ленинградскую консерваторию, которую также с успехом окончила. Мне всегда казалось и кажется сейчас: те, кого надо устраивать, – это неполноценные люди, что обязательно должно сказаться на их последующей жизни. И это чувство меня не обмануло. Я мог бы привести десятки примеров краха тех, кого устраивали. Иногда кажется, что внешне они процветают, на самом деле – они обыватели с качествами мерзавцев и подонков. И постоянной пустотой внутри, что ведет их к наркомании и алкоголизму. Одним словом — «гламур»!

Валентина полностью разделяет подобную оценку (хотя, естественно, не в такой резкой форме). Я думаю, что дети, уже повзрослев, также оценили нашу «жесткую» манеру воспитания. Каждый из них строит свою судьбу, самостоятельно преодолевая массу трудностей, и в конце концов добились очень многого. В силу

естественных причин они духовно ближе к матери, которая до сих пор «учит их жить». И хотя мы живем в разных местах, я считаю, что у нас все равно сохранилась семья, и главная заслуга в этом принадлежит Вале.

Таким образом, Валентина идеально справилась с двумя важными функциями: сохранение и укрепление семьи и рождение и воспитание детей, которые выросли личностями.

Спасибо тебе, дорогая!

Олег Арин
25.12.2009